

Валерий Коренчук – академик Петровской академии наук и искусств, профессор искусствоведения Академии кино и телевидения при университете «Туран», почетный член ряда международных фотосоюзов и федераций, лауреат Гран-при «Золотой глаз – 77», обладатель дипломов более чем 500 международных конкурсов и выставок.

Валерий КОРЕНЧУК

ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

О том, как фотоклуб «Медео» полвека назад провел в Алма-Ате первые в СССР международные выставки-конкурсы и предотвратил два дипломатических скандала

Предыстория

Заварилось фотолюбительское движение в Казахстане в самом начале 1960-х на волне хрущевской оттепели. По всей тогда громаднейшей стране, одной шестой земной тверди, как грибы после дождя тут и там рождались клубы по интересам, самодеятельные театры, студии. Творческая инициатива народных масс, десятилетиями томившаяся под идеологическим прессом, начала бурлить, фонтанировать, взрываться многоцветьем талантов. В страну стали поступать зарубежные журналы из социалистических стран, неся поток новой, необычной, завораживающей информации. Этот поток подхватывает и увлекает одаренные личности – врачей и инженеров, педагогов и архитекторов, людей самых прозаических профессий – слесарей, строителей, шоферов.

Искусствоведам и историкам еще предстоит ломать голову, как, по каким законам общественного развития, какими географическими, человеческими и пассионарными факторами можно объяснить появление в Алма-Ате такого жизнестойкого, богатого на таланты творческого объединения любителей, как фотоклуб «Медео».

Алматинские фотомастера быстро выбиваются в люди. К началу 1970-х среди 670 фотоклубов Союза они занимают почетное место в первой десятке по черно-белой фотографии, в первой пятерке по цветной и на все годы захватывают безусловное лидерство в слайдах. В 1972 году Николай Розанов и Владимир Печканов получили золотую медаль в Италии за слайд «В горах Алатау». Это было первое золото, завоеванное советскими слайдистами на международной арене. Оно и сподвигло фотоклубовцев организовать в тогдашней столице Казахстана первую всесоюзную выставку слайдов «Диаграмма-72».

Первая международная

Успех окрылил, решили проводить такие выставки раз в два года. На следующую кроме советских любителей прислали свои работы 22 автора из Франции. Выставка стала уже международной. Но это страшно не понравилось профсоюзному начальству, начались чудеса.

За два часа до открытия «Диagamмы-74» звонит методист клуба Борис Николаевич Бондин: «Валера, только что приехали из РДХСП и увезли все кресла!» РДХСП – это республиканский дом художественной самодеятельности профсоюзов Казахстана, к которому тогда был приписан фотоклуб. А находился клуб в бывшем погрангородке по адресу Абая, 20, дом 14, выше здания Национальной библиотеки. В том доме когда-то был военторговый магазинчик. По распоряжению Кунаева его отдали под фотоклуб. Шикарнейшее помещение для фото-кинолюбителей – просторный выставочный зал, комнаты для методистов, фотолаборатория в подвале. Четверть века это была творческая база фотолубительского движения Казахстана.

Когда я добрался до клуба, выяснилось, что повторным рейсом увезли экран и клубный диапроектор. Всё на грани срыва, а тут уже гости собираются. Нухим Яковлевич Шильман сбегал домой, принес свой проектор. Рядом была рабочая столовая, нам разрешили взять складные скамейки. А я кинулся по соседям выпрашивать скатерть для экрана. Ну, совсем как в фильме «Человек с бульвара Капуцинов». В одной квартире вытащили простыню, но она в цветочек, в другой не глаженная, в третьей хозяйин-майор советует: «Беги скорее в погранчасть, там еще завклубом не ушел. У него запасной экран есть».

Пока на КПП вызвали начклуба, пока он понял, в чем дело, пока двое солдат принесли громадную скатку, пока дотащили ее, зал уже был полон. Развернули фирменный пластиковый экран, он весь в желтых пятнах. А на часах уже без десяти семь. Ребята на полу отмывают пятна, публика улыбается. Ровно в семь я начал вступительную речь, за моей спиной растягивают экран. Я поглядываю, тяну время, рассказываю историю слайдовой фотографии. Наконец меня хлопают по плечу – всё готово. Гаснет свет, начинается волшебное зрелище.

Для фотографической Алма-Аты это было событие. Выставочную программу мы показывали в двадцати проектных институтах и учреждениях. О нашем конкурсе поведала передача «Объектив» Центрального телевидения. Спустя неделю встретил инструктора горкома партии Артура Игоревича Артемьева, поведал о нашем триумфе, а он спрашивает:

- Что так мало зарубежных участников?
- Да вот поздно пришла в голову идея иностранцев пригласить.
- В следующий раз будьте предусмотрительней.

Через год мы отпечатали в типографии приглашения на русском и английском языках, разослали по всем знакомым клубам. И в Союзе, и за границей. Открытие выставки было заявлено на ноябрь. Стали ждать. С мая стали приходить бандероли из Москвы, Таллина, Риги, Вильнюса, Польши, Филиппин, Аргентины, ФРГ, Франции.

Но тут в жизнь ворвалось знаменательное событие.

Журнал «Советское фото» сообщил, что в 1976 году в Советский Союз приезжает выставка «Фотография США» и будет демонстрироваться в Киеве, Алма-Ате, Новосибирске, Москве и Тбилиси. Огромное спасибо тому, кто составлял эту программу и не забыл нашу столицу.

Эпопея с выставкой «фотография США»

По счастливому стечению обстоятельств в июле мне выпала командировка в Киев. Работал я тогда в телепрессагентстве комбината «Казторгреклама», занимался телевизионной рекламой вместе с режиссером Александром Головинским и оператором Василием Хоминцом. Но за мной тянулся шлейф секретности десятилетней службы в ОКБ завода имени Кирова как инженера по

Фотоклуб, 19 апреля 1996 года. 70 лет Билькову

проектированию торпедного оружия и вооружения. Так что правила поведения сотрудника, допущенного к материалам с грифом «Совершенно секретно», я знал назубок. Еще в 1969 году, когда возник вопрос отправки моих фотографий на международные выставки, я договорился с заместителем директора по режиму Иваном Константиновичем Рябченко, что буду показывать ему всё, что отправляю за границу, и всё, что приходит. Такое оперативное оповещение не раз спасало обоих от крупных скандалов с КГБ.

Был у меня и свой ангел-хранитель в органах – Юра N. Когда-то на заводе мы корпели в одном отделе над тогда суперсекретной торпедо-ракетой «Шквал». Поскольку я намеревался в Киеве завести знакомство с американцами, то не преминул уведомить его. «Валяй, только не проболтайся про завод, – благословил он. – Я и так за тебя сколько раз ручался».

В Киеве на выставку была длинная очередь, но по клубному удостоверению – оно тоже было с красной корочкой – прошел как специалист. На выставке присмотрел молодого гида, толково разъяснявшего преимущества американского образа жизни группе слушателей, представился. На мою фамилию вдруг отреагировал один из слушателей, оказалось, это Филонов из фотоклуба «Одесса». Мы друг друга знали заочно, только по каталогам международных выставок, где мелькали наши фамилии.

С гидом Джоном мы быстро нашли общий язык, ему импонировало, что я окончил сценарный факультет ВГИКа. А он годом раньше окончил университет по русской филологии. Случайно увидел объявление: «Кто хочет путешествовать по России и получать за это деньги, звоните по телефону...». Позвонил, ответили на русском, задали несколько вопросов. Потом сказали, что его кандидатура подходит, через три месяца его возьмут. Джон эти три месяца разносил газеты. В назначенное время началась подготовка. Девять месяцев непрерывного тренинга ведения дискуссий, общения и изучения колоссального объема исторических и экономических данных об СССР.

Джон свел меня с директором выставки Полом Смитом, белесым господином средних лет. Как потом выяснилось, это был кадровый разведчик, то ли капитан, то ли майор. Через год, когда выставка приехала в Тбилиси, он на чем-то погорел и был выслан из Союза в 24 часа. Пол выслушал мое предложение устроить в Алма-Ате встречу в фотоклубе и отправил к директору выставки с советской

стороны. Тот весьма обрадовался. Мол, такие мероприятия нам нужны и важны. Только всё согласование должно проходить через МИД Казахстана.

В Алма-Ате мы написали заявку в Министерство иностранных дел. Через месяц нам ответили, что встреча с фотолюбителями включена в план выставочных мероприятий. Мы стали ждать. Наконец выставка приехала и открылась во Дворце спорта. Хвост очереди тянулся чуть ли не к стадиону. Выставились по 3-4 часа. Джон еще в Киеве снабдил меня стопкой пригласительных билетов, так что я забегал на выставку почти каждый день, да и наши клубовцы проходили без очереди.

Кто постарше, тот помнит эту выставку. Сразу у входа со стороны Космонавтов располагалась открытая съемочная студия, огороженная красным канатом. В ней священнодействовал невысокий седой старичок Дэвид Окс, корреспондент журнала «National Geographic». Он приглашал из толпы понравившуюся личность, располагал ее против фотокамеры «Полароид» и давал в руки спусковой тросик. Клиент смотрел на свое отражение в зеркале, принимал нужную эмоцию на лице и щелкал сам себя. Из камеры с жужжанием выползала фотокарточка. Дэвид с минуту размахивал ею, ждал, когда проявится, и дарил цветную фотографию изумленному счастливцу. Толпа ахала, и никто не замечал, что Дэвид тем временем что-то делает еще с тремя камерами. Там у него стояли и черно-белый негативный «Полароид», и пленочные фотоаппараты.

Спустя четыре года на международной выставке книг в Москве на одном из стендов я увидел фотоальбом «Russia. Self-portrait» – «Автопортрет России». Это был альбом Дэвида. В небольшом предисловии говорилось, что здесь сами себя засняли люди разных профессий: врачи, домохозяйки и так далее, включая сотрудников КГБ.

Подвернувшись коллег из издательства «Планета», рыскавших в поисках книг по фотографии, которые можно было бы переиздать, я нацелил на этот альбом. Они тут же составили опционный договор. До сих пор жалею, что, надеясь на переиздание, я не выпросил этот альбом. Потому что через год я узнал, что издательству зарубил эту сделку Главлит именно из-за упоминания трех зловещих букв в предисловии.

Но вернемся на фотовыставку. В центре экспозиции на открытой площадке стоял внушительных размеров фотоувеличитель, на котором молоденький подмастерье Дэвида печатал цветные панорамы Марса, только что снятые американским марсоходом «Викингом-1». Временами Дэвид менялся со своим помощником местами и становился за увеличитель. В один из таких моментов тут чуть не разгорелся международный скандал.

Слово, погасившее конфликт

Как уже замечено, я почти каждый день по несколько часов проводил на выставке. Там было что посмотреть. Кроме стендов почти с полутысячей фотографий имелась библиотека. Вернее, небольшой, мест на десять, читальный зал. Пускали туда на полчаса и только специалистов. Заведовала им молоденькая крашеная блондиночка, татарочка по происхождению. Я узнал у Рафика Гумарова, как по-татарски будет «здравствуйте», и это «исямысыз» позволяло мне не только без очереди пользоваться библиотекой, но и высидивать в ней два-три срока. Стоявшие в очереди телевизионщики и фотокоры даже ворчали: «Что это у вас Коренчук второй час сидит». А там можно было и весь день сидеть и переснимать. На полках две тысячи книг по фотографии, правда, все на английском языке. После стало известно, что такой же комплект американцы оставляли в каждом городе. Пол Смит как-то спросил, кому подарить эти книги. Я ответил, что лучше всего нашему фотоклубу, но для всеобщей доступности следует выбрать библиотеку имени Пушкина. Как

я ошибался! Американцы так-таки и подарили книги Пушкинке. Куда они исчезли, никто не знает до сих пор. А там была и 20-томная фотографическая энциклопедия, и 40 томов знаменитой «серебряной» серии «Time-Life Library of Photography», и... Уже на следующий год, будучи в Москве, куда после Новосибирска переехала выставка, я заикнулся Полу об этом, и он вручил мне ксерокопию «Акта передачи комплекта книг Государственной республиканской библиотеке имени Пушкина от 12 ноября 1976 года».

Возвращаемся к Дэvidу. В один из дней издали вижу, что возле его фотоувеличителя среди толпы возвышается наш клубовец, преподаватель погранучилища, а фамилию забыл. И что-то там назревает. Дэвид размахивал, размахивал руками и куда-то исчез. Подхожу, интересуюсь, в чем дело. «Да вот, хочу узнать состав проявителя для Эктахрома, никто ответить не может. Переводчица ни бум-бум, и этот распахивался».

Тут из-за стенда возвращается Дэвид. Увидел нас и в лице изменился. Я ему машу: «Мистер Дэвид. It is my friend, photographer!» С грехом пополам стал объяснять, что мой коллега хочет узнать, что за вещество скрывается в рецепте цветного проявителя под индексом В. «What is color developer?» А тут пограничник встревает: «У вас там что, этилоксиэтилпарафенилендиаминсульфат?» Вы бы посмотрели, что произошло с Дэвидом от этого магического слова. Ну точь-в-точь как в мультфильме «Бременские музыканты», когда собака гавкала на разбойников, а потом расплылась в улыбку. Через минуту Дэвид завалил нас справочниками, подарил фирменные упаковки проявителей. Позже он признался, что принял коллегу за кэгэбэшника-провокатора (военного и в гражданской одежде узнать можно), который прилюдно хотел уличить его в непрофессионализме.

А профессионалов, знатоков фотографии среди сотрудников выставки было только двое – Дэвид и его помощник. Остальные 48 человек были, как говорится, «бойцами невидимого фронта». Причем профессионалами экстра-класса. Нам во ВГИКе тоже читали лекции по пропаганде и мистификации. Но тут я увидел работу виртуозов. Гиды любой вопрос выворачивали в пользу своего строя. Например, кто-то спрашивает: «А у вас в колхоз посылают?» Гид сразу мягко хватает спрашивающего за пуговицу, и начинается пространная лекция: «Да вы знаете, у нас система другая. Во-первых, кто согласится, чтобы его оторвали от рабочего места и куда-то отправили на черновой труд. Во-вторых, какой предприниматель позволит забирать его рабочих. И, в-третьих, зачем?» Вопросавший уже понял, что попал в просак, пытается улизнуть. Но гид цепко держит его за пуговицу и продолжает: «Вот сколько у вас занято в сельском хозяйстве? 64 миллиона, а прокормить себя не можете. А у нас 14 миллионов кормят всю страну, да еще и вам посылаем». И сыплет цифрами, сколько пшеницы, сколько мяса поставили в прошлом году, сколько отгрузили уже в этом. А вокруг собирается толпа, внимательно слушают, мотают на ус.

Или задают вопрос: «Никсон что, не мог позвонить прокурору, чтобы прекратили уотергейское дело?» И опять та же тактика – за пуговицу и лекция: «У нас же демократия. Это у вас секретарь райкома может позвонить, и любого преступника отпустят на свободу». И тоже с цифрами и примерами. Вот сын такого-то министра попался на изнасиловании – на другой день отпустили. Такой-то проворовался – дело замяли. И так далее.

Кто-то защищается: «Зато у нас самое лучшее образование!» – «Это как считать?» – «У нас учителя, преподаватели отличные». – «А если преподаватель лауреат Нобелевской премии, это хорошо?» – «Конечно!» – «Так вот, сколько у вас в Союзе нобелевских лауреатов? Не знаете, подскажу – 17. А у нас только в одном Гарварде 17 профессоров нобелевские лауреаты. В Массачусетсе десятков, в Беркли трое, в Стэнфорде...».

В общем, наши идеологические позиции трещали по всем швам.

Народная дипломатия

Позвонили из МИДа – составьте список вопросов, которые будут обсуждаться на встрече с американцами. Целый вечер всем клубом сочиняли, набралось 98. Отпечатали, отнесли в МИД. Через день новый звонок – американская сторона отказывается от встречи, у них нет специалистов, которые могли бы ответить на наши вопросы. Предлагаю оставить только два – фотолобительское движение и периодические фотоиздания в США. На это американцы согласились. Оговорили дату, четверг 29 октября.

Сообщаю директрисе РДХСП о встрече, прошу к четвергу выстирать в клубе шторы, навести марафет. По телефону было ясно слышно, как у бывшей работницы райисполкома екнуло сердце: «Кто вам разрешил! Как вы посмели! Там же одни шпионы!» Через час меня вызвали в Казсовпроф. Приехали мы туда с Владимиром Михайловичем Шургаевым. Он тогда был и методистом, и моим заместителем в правлении клуба. Но на ковер запустили только меня. Супротив секретарь Казсовпрофа, директриса и заведующий отделом культуры Енгальчев. Наговорили много, и всё на повышенных тонах. Я даже взорвался: «Что вы на меня кричите, я такое же выборное лицо. Если не разрешаете, бог с вами, только теперь сами в МИД звоните и отказывайтесь!»

Направляюсь к выходу, а вслед летит реплика Енгальчева: «Надо в горком позвонить, пусть проверят, какой такой коммунист Коренчук!» Только я добрался до рабочего места, забегают секретарша директора: «Вас с парторгом срочно вызывают в горком партии». Едем в директорской машине. Парторг, он же главный редактор телепрессагентства Илья Давыдович Меркин, только что вернувшийся из отпуска, спрашивает: «Ну что ты там натворил? Выкладывай!» – «Да мы американцев в фотоклуб пригласили... Да еще были недовольны, что я вчера всё наше агентство полдня по выставке водил». – «Ну а я-то какое отношение к этому имею?» – «Вы же письмо подписывали, чтобы группу пропустили без очереди. Кстати, на выставке страшно удивились, в Киеве отбоя не было от коллективных заявок, а здесь только мы пришли».

В орготделе горкома нас встретил Анвар Баталов (будущий мажилисмен независимого Казахстана). Когда я замещал секретаря комитета комсомола завода, он был секретарем горкома комсомола. «А я-то думаю, что-то фамилия знакомая, – пригласил садиться Баталов. – А вы-то, товарищ Меркин, отличились. Мы же по райкомам всех парторгов собирали, чтобы никаких коллективных посещений не было. Чтобы поменьше люди на выставку ходили».

Меркин быстренько отговорился, что был в отпуске, ничего не знал, не ведал, и ретировался.

– Ты что партизанишь! – Настала моя очередь держать ответ. – Переговоры какие-то ведешь с американцами.

– Какие переговоры, всё через МИД идет. А так я только как рядовой посетитель общаюсь.

– Там же одна пропаганда. Мы все меры приняли, чтобы выставка не привлекала внимания. Заметил, ни в одной газете даже слова о ней нет.

– И какой умник это от страха придумал? Страус голову в песок прячет, а вы ее в какое место засунули?

– Ты что себе позволяешь! Ты где находишься! Ты у меня сейчас партбилет на стол выложишь!

– Знаю, где, не на базаре. И разговариваю с партийным товарищем. Я бы всех ваших агитаторов и пропагандистов специально на выставку послал, пусть учатся, как надо работать. Ты слышал, что они по «Голосу Америки» передают? Мол, приехали на окраину империи, где никто в глаза фотографию не видел, и вся Алма-Ата сбежалась смотреть на это чудо. А у нас через неделю третья международная «Диагамма». А в газетах ни строчки. Дайте указание

журналистам, пусть возьмут интервью у наших фотолобителей, я телефоны дам. У них столько жалоб на гидов, ни на один вопрос по фотографии ответить не могут. И сразу их агитация уйдет на задний план.

– Не хватало еще вражьи голоса слушать... Ладно, иди, попробуем кое-что сделать.

Следующий день принес катастрофическое известие.

– Валера, беда! – услышал в трубке голос своего ангела-хранителя из КГБ. – Американцы только что передали в МИД ноту протеста, почему им не разрешают встретиться с фотолобителями.

– Ай да молодцы! – невольно вырвалось у меня. – Вот это профессионалы. Когда они отказывались, так ни один идиот не догадался им ноту накатать!

– Не шуми! На тебе же отыграются! Так что беги к Полу Смиту и всеми правдами и неправдами уговори отозвать эту злосчастную ноту. Ты же с ним в хороших отношениях.

– Какие, Юра, у меня отношения, я и разговаривал-то всего пару раз.

– Не темни, у нас известно, и сколько раз говорил и даже о чем говорил. Пообещай ему что хочешь, пригласи встретиться у себя дома.

– Это в нашей-то двухкомнатке?

– Они и так знают, как советские люди живут. Действуй.

К вечеру, разделавшись с текущими делами, я отправился на выставку. Пол был в своем кабинете. «Вы что, хотите, чтобы с меня живьем шкуру содрали?» – начал я.

Разговор длился долго, уже и выставка закрылась, разошлись сотрудники.

На следующий день, часов в одиннадцать, позвонил Юра: «Ну, ты гений. Американцы забрали ноту». Спустя год, узнав, что Пол Смит был кадровым разведчиком, идеологическим диверсантом по тем временам, я подумал, что и диверсантам ничто человеческое не чуждо. Другой, может быть, на этом скандале лишнюю звездочку бы заслужил. А этот...

Встреча в нашем доме всё-таки состоялась, хотя теща сразу заявила – я к вашему дому ни ногой. Она еще с военных времен знала, что бывает за связь с иностранцами. С американской стороны были Пол, Джон, Дэвид со своим помощником. С нашей – Шургаев и, после долгих переговоров и увещаний родни, Виталий Федорович Бильков, бессменный председатель худсовета клуба. Мы показали клубную коллекцию слайдов. Особо приятно и сейчас отметить, что Дэвид засыпал вопросами, как сделаны наши цветные изогелии и соляризации.

И никто из нас не предполагал, что через неделю фотоклуб ждет еще более крупный, хотя и не международный, скандал.

«Диаграмма-76»

В те же дни, когда происходили перипетии с американской выставкой, завершались работы по нашей «Диаграмме». Состоялось заседание жюри, провели отбор работ, составили списки для каталога. Договорились с ЦК комсомола республики, что открытие выставки будет в их зале 11 ноября в 19 часов вечера. Отпечатали пригласительные билеты. Осталось дело за малым – получить разрешение ЛИТО. Для молодых и несведущих поясню. ЛИТО, или Главлит – это такая организация, которая просматривала все материалы, готовящиеся к публикации на предмет отсутствия в них секретных и антисоветских сведений. Без их разрешения нельзя было ни напечатать хоть строчку, ни показать выставку. В предыдущие годы разрешение мы получали совсем просто. Я от руки писал заявку, весь отдел с интересом просматривал фотографии, и нам без всяких церемоний давали добро. В этот раз, направляясь в ЛИТО, я зашел в горком партии, чтобы вручить пригласительные Артемьеву и похвастать,

что у нас уже участники из 11 стран. И с удивлением узнал, что на его месте уже новый завотделом – Николай Казимирович Орловский. Парень толковый, радушный, обаятельный. Главное, хорошо знакомый. В 1966 году он был секретарем Ленинского райкома комсомола и целую неделю носился с идеей исключить меня из комсомола за то, что я вопреки его рекомендации попросил конференцию не избирать меня секретарем комитета завода.

– Валера, я тут человек новый, еще не знаю, что к чему. Оставь свои материалы, я посоветуюсь. А где вы приглашения на английском печатали?

– Да в заводской типографии по старой дружбе.

Я оставил экземпляр приглашения, пригласительные, копию решения жюри и отправился в ЛИТО. Кстати, это в пяти минутах ходьбы от горкома. Заведующий принял меня как-то странно: «Знаете, сейчас новое положение, надо заявку отпечатать на машинке».

Ладно, назавтра приношу отпечатанную на машинке. «А почему не на фирменном бланке?» Ладно, съездил в РДХСП, а он у черта на куличках, в бывшем здании Дома культуры совхоза «Луч Востока», в самом конце улицы Розыбакиева. Директриса подписала молча, видимо, ей попало за скандал с американцами.

В ЛИТО новая отговорка: «Раз РДХСП принадлежит Казсовпрофу, то и заявка должна быть от него». В Казсовпрофе перепечатали на фирменном бланке. «Почему заведующим отделом подписано?» Возвращаюсь, благо Казсовпроф в четырех кварталах. Перепечатали. «Почему без печати?» Сходил, поставили печать. «Почему третий секретарь расписался, а не первый?» Тут уж и Казсовпроф на дыбы встал, но перепечатали и в этот раз.

Принес. Заведующий обалдело смотрит на меня и поднимает телефонную трубку: «Николай Казимирович, что с фотоклубом делать? Они и эту бумагу принесли».

Врываюсь в кабинет: «Коля, ты почему “Диagamму” не разрешаешь?» – «С чего ты взял?» – «Ты скажи своим подчиненным, чтобы они при посетителях не звонили и не спрашивали – Николай Казимирович, что делать? Такое имя и отчество одно на весь Казахстан!».

На носу уже ноябрьские праздники. Вдруг раздается длинный междугородний звонок. На проводе Москва, Центральное телевидение, редактор передачи «Объектив» Кронин: «Валерий Дмитриевич, на девятое ноября заказан тракт, одиннадцатого запись. Целиком всю передачу посвящаем вашей “Диagamме”. Обязательно захватите слайды». – «Да у нас самих одиннадцатого открытие, как я слайды возьму?!» – «Ну, привезите хоть половину. Ждем!»

Что делать? Упускать такую возможность ну никак нельзя. И говорить никому нельзя, вдруг опять какую пакость устроят. А на календаре уже 6 ноября. Созваниваюсь с Печкановым: «Володя, сможешь за праздники все слайды “Диagamмы” переснять?» – «Нет, нечем. А вот проявить смогу».

Хоть и был укороченный предпраздничный день, сумел по семейным обстоятельствам оформить отпуск, получить деньги и купить билет на самолет. Полночи ушло на пересъемку, а ведь надо было еще их потом разрезать, вставить в пластмассовые рамочки, наклеить названия... За час до отлета обзвонил ребят, предупредил, что временно исчезаю, открытие проводите без меня, Шургаев пусть берет на себя ЛИТО и Казсовпроф, демонстрация слайдов на Семена Берлинерблау и Шильмана, вступительная речь за Бильковым. Жене наказал никому не говорить, куда уехал.

Утром девятого я уже был в Москве. Созвонился с Крониним. «Сколько слайдов привезли?» – «Все сто сорок». – «Отлично. Тракт сегодня в 21:00. Пропуск я заказал». Приехал пораньше, рассказал Кронину, что у нас выставка еще под большим вопросом. Тут появился и ведущий Сергей Евгеньевич Медьнский,

кинооператор-классик, лауреат Сталинской и Ленинской премий. В 2010 году я встретил его во ВГИКе, он всё ещё преподавал в свои 82 года. На телеэкранах в передачу «Объектив» я попадал с ним раз пять. Договорились, поскольку передача планируется на 26 декабря, всё говорить в прошедшем времени.

Начали трактовать – ничего не получается с показом слайдов. До этого не было ни одной передачи со слайдами. Стационарное фирменное оборудование имело барабаны под слайды, но по какой-то курьезной недоработке системы изображение шло только на заставки. Техники мучились часа полтора, ничего не вышло. Нашли диапроектор, стали показывать слайды на белую стену и снимать телекамерой. Трактовали, то есть репетировали, до часу ночи. Во время записи тоже было несколько накладок, пару раз перезаписывали и закончили еще позже. Добрался до дома, только заснул, раздался звонок из Алма-Аты. Жена сообщила, что к семи часам у ЦК комсомола собралось довольно много народу, но у входа стояли молодые ребята и говорили, что открытие выставки откладывается на неопределенный срок. Вот и се ля ви!..

К вечеру раздался звонок Кронина: «Валерий Дмитриевич, вы “Вечернюю Алма-Ату” видели?» – «Где ж я ее в Москве найду!» – «В Ленинке. И послушайте, что пишут: “Сегодня, в зале ЦК комсомола республики, открылась международная выставка цветных диапозитивов “Диагамма-76”. Зрители аплодисментами приветствовали работы фотомастеров из Австрии, Германии, Франции...» – «Но на самом деле открытия не было, мне жена звонила». – «Вы с кем там бодались, с горкомом? А вот тут и написано – орган горкома партии. То, что вы говорите, – слова, а я уже копию снял и подшил в дело – это документ. Так что смотрите передачу 26 декабря. Вы еще надолго в Москве?» – «Покажу коллекцию в здешних фотоклубах. Потом в Ленинград, Таллин, Ригу, Вильнюс».

26 ноября поезд привез меня в Ригу. На вокзале попался на глаза междугородний телефон, и будто кто дернул меня набрать номер Кронина. «Валерий Дмитриевич, вот удача. Через сорок минут смотрите передачу про вашу “Диагамму”». – «Вы же говорили про 26 декабря». – «Да у нас плановая передача слетела». Я перезвонил жене, наказал, чтобы связалась с нашими ребятами. Пусть заскочат в кабинеты к тем, кто нам мешал, и включат им телевизоры на Москву.

Не буду рассказывать, как я пытался пробиться к экрану телевизора у рижских друзей, пока Вильгельм Михайловский не посоветовал мне не тратить время зря, а бежать в тамошний ЦУМ, он рядом с вокзалом. В радиоотделе было полно телевизоров, но все показывали Ригу. Я спросил продавщицу, ловят ли они Москву. Она переключила на одном канале, уже шла заставка «Объектива». Тут из подсобки вышел мужик в синем халате и направился к телевизору с явным намерением вернуть его на Ригу, но вовремя увидел в кадре меня с Медынским. Так я первый раз посмотрел передачу в эфире. Через месяц ее показывали по «Интервидению». Я загодя договорился с начальником цеха видеозаписи нашей телестудии Олегом Дядищевым, чтобы ее записали. Несмотря на громадный дефицит видеоленты, передачу записали, но ни одна редакция не смогла пробить выход ее в эфир. Много ли начальства смотрело ее тогда по Москве, не знаю. Но вот то, что они все видели ее в феврале следующего года, однозначно. Тогда ожидался запуск очередного космического корабля. Все теле- и радиостанции и, соответственно, всё высокое начальство было в режиме ожидания экстренного сообщения. Все плановые программы полетели, и вдруг в замену показывают «Объектив» с нашей «Диагаммой-76»...

Когда через полтора года в Алма-Ату приехал специальный корреспондент журнала «Советское фото» Вишняков, повстречался и поговорил с профсоюзным и партийным руководством, то свое выступление в клубе он начал словами: «Я очень рад, что многих из вас вижу здесь, а не в местах отдаленных!»